

Сборник наставлений в десяти разделах

[Рассказы о воинах]

Рассказ 4–3

[Накамаса и Сукэдзанэ ссорятся из-за красавицы¹]

Во времена отрекшегося государя Хорикава-ин при дворе государыни служила красавица Сакин, равных которой не было. Начальник военных складов Минамото-но Накамаса ее полюбил.

Однажды всадники из свиты господина канцлера [Фудзивара-но Тададзанэ] собрались в усадьбе Камои и пили сакэ; один человек обмолвился об этой Сакин:

– Однажды она прогуливалась во дворце – и разве не выглядела она так, что состязаться с нею не смогли бы ни люди, ни боги. Если уж что-то и хотелось бы вспоминать о здешнем мире – то эту женщину!»

– Воин, который думает о демонах и демоницах... Страшная штука! Они не стоят того, чтобы о них думать². Лучше об этом молчать, – так ответили ему.

А был там человек по имени Сукэдзанэ, острослов, и он сказал:

– Нет, и воины бывают в женщин влюблены. Но если я, предположим, вздумаю похитить эту даму, Накамаса, как ни станет ее защищать, помешать мне не сможет.

¹ Перевод и разбор рассказа см.: *Geddes W. Selected Anecdotes to Illustrate Ten Maxims // G.J. Tanabe Jr. (Ed.). Religions of Japan in Practice. Princeton, 1999. P. 25–37.* События, о которых идёт речь, описаны в «Дневнике Фудзивара-но Мунэгады» («*Тю:ю:ки*», охватывает 1087–1138 гг.) под 1108 г., когда государь Хорикава уже скончался. Делами в стране, как при нём, так и при новом государе Тобе руководил отец Хорикавы, государь-монах Сиракава. Дама по прозвищу Сакин, по версии рассказа, служила «государыне», то есть супруге Хорикавы; по другим версиям, Сакин состояла в свите сестры Хорикавы, жрицы столичного святилища Камо.

² Увлечению женщинами, которое может привести мужчину к неприятным последствиям, посвящен рассказ 7–12. Его герой, высокопоставленный придворный Фудзивара-но Санэсукэ, вообще славился как мудрец, но не мог себя сдерживать, когда видел красивых простолюдинок; когда его пристыдили за распутное поведение, он ответил: «В делах с женщинами мудрецов не бывает».

Он говорил о делах Накамасы, возможно, питая к нему враждебность, с насмешкой, издевательски; те, кто был там, отозвались в немногих словах, и на том разговор прекратили.

Возможно, эти слова кто-то пересказал Накамасе. Он выслушал и сказал своим людям:

– Нешуточное дело. Эй, молодцы! Как мы должны поступить? Тот человек ничего не смыслит в Пути лука и стрелы. Поскольку он мне не враг, было бы нехорошо [ссориться с ним], но нелегко и оставить это дело просто так, считать, что пусть так и будет. Надо бы его как-нибудь напугать.

Ему ответили:

– Ну, это мы запросто!

И вот, вечером в сумерках дождались, когда Сукэдзанэ поедет домой из дворца, выгнали его из возка, заставили поклониться со словами: «так больше говорить не буду», – и отпустили восвояси.

Среди слуг Накамасы был один воин-деревенщина, который сути дела не знал и не имел ни жалости, ни чуткости. Когда он услышал о случившемся, то, помчавшись галопом на лошади, встретил [Сукэдзанэ] в то время, когда тот, поднявшись, входил в ворота, и, ничего не говоря, схватил и отрезал его узел волос, *мотодори*³. И, представ пред Накамаса, сказал:

– Преподношу это Вам.

Накамаса, однако, со словами:

– Я и не думал о таком. Что ж ты натворил! – но поделывать ничего уже было нельзя, и он на этом остановился.

А Сукэдзанэ, думая о собственном благе, на улицу за дверь не показывался, но скроешь ли так просто подобные вещи? Государь-монах [Сиракава] обо всем услышал, спросил о виновнике и послал людей для строгого расследования. Ходили слухи, что у Сукэдзанэ отрезаны волосы, но и сам он, и Накамаса все отрицали. Хотя тяжкого зла и не было причинено, все же государь сурово спросил: «Кто срезал?» и послал своих слуг, а они потеряли след.

³ *Мотодори* – длинные волосы, связанные в узел на макушке; к этому узлу крепится шапка. Такова была обязательная причёска взрослого знатного мужчины, и лишившись её, чиновник не мог явиться на службу. Срезать чиновнику узел волос означало нанести ему не просто оскорбление, но и существенный телесный ущерб. В «*Сясэкисю*:» в рассказе VII–8 слуга из зависти пытается убить другого слугу, но по случайности срубает ему не голову, а только *мотодори*; господин судит его за это как за убийство и приговаривает к смерти.

Накамаса представить виновника тоже не мог, и государь, услышав это, забеспокоился. Он приказал Морисигэ, который в то время служил в столичном сыскном ведомстве:

– Того человека, который отрезал *мотодори*, иди и поймай: схвати, свяжи и притащи сюда.

Услышав это, Морисигэ разыскал близких [того воина], и у дома его матери, госпожи-монахини, установил слежку от рассвета до позднего вечера.

И вот, пока он караулил, однажды на заре появилась некая фигура, то ли монах, то ли женщина, и постучалась в ворота. «Это неспроста», – подумал Морисигэ. Схватил монаха и стал расспрашивать.

– Я ни в чем не виноват. Место, где живет тот человек – на склоне возле храма Киёмидзу, там-то и там-то. А я пришел сюда с поручением от него, – он шумно возмущался, и ему сказали:

– Никто тебе, монах, ничего делать не будет. Нам нужно найти то место. Если медлить, преступник услышит [о нас] и сбежит.

И они отправились задержать его, пока он там. Воин не подозревал, что за ним придут, его схватили без всяких хлопот и двинулись в обратный путь.

Морисигэ же думал: «Тут в Рокухаре пребывает чиновник ведомства наказаний Тадамори. И не хотелось бы, чтобы, если мы пойдем по его земле, он [задержанного] отнял»⁴.

Взяв постороннего монаха, передел его подозреваемым и отправил туда. А настоящего задержанного с небольшим отрядом тайно отвез другим путём, по средней дороге Гион. Тадамори, хотя и знал, что они проехали, наверное, подумал: «Ничего особенного» – и пропустил их просто так.

Но тут возмутились в Киёмидзу. «Около нашего почтенного храма почему-то арестовали человека, такого давно уже не случалось. Даже если он преступник, нужно было его хватать, согласовавши с настоятелем». Монахи собрались толпой и проехать не давали. Тогда Морисигэ, предусмотревший и это, вынул из-за пазухи свёрнутое письмо, которое прихватил заранее, и сказал:

⁴ Тайра-но Тадамори, может вмешаться и отобрать задержанного у Морисигэ – видимо, чтобы самому отчитаться государю-монаху за поимку преступника. Тадамори отвечает за порядок в Рокухаре на восточной окраине столицы между храмом Киёмидзу и рекой Камо, так что его вмешательство было бы оправданно. Поэтому Морисигэ пускается на хитрость.

– Как бы я мог кого-то схватить, не получивши разрешения? Он спрятался, считая, что так его не допросят, и не объявил о своем деянии. А я этим утром предстал перед настоятелем и подал прошение, вот оно, – так сказав, Морисигэ показал бумагу.

Ему ответили:

– Тогда не о чем говорить, – и пропустили.

Вскоре государь-монах обо всем узнал и был действительно очень тронут. Тот воин, когда его призвали и обвинили, не спорил, признался: «Да, отрезал». Сукэдзанэ в это время уже не сидел взаперти, а его тоже желали выслушать, и Морисигэ получил новый приказ: «Этого Сукэдзанэ, которому отрезали *мотодори*, нужно как-нибудь так увидеть, чтобы точно узнать, правда или неправда».

– Приступаю незамедлительно, – ответил Морисигэ. И, когда выходил от государя, то сказал Ясутаде из Северной стражи дворца:

– Ну-ка! Сопроводи меня к одному человеку, к кому я иду пить сакэ.

Ясутада, когда он так сказал, подумал: «Хорошо!», – ведь Морисигэ был в ту пору в чести у государя. Я пошел вместе с ним.

Пока Ясутада думал, куда же они идут, они пришли в дом к Сукэдзанэ и сделали вид, что заглянули по случаю. Стали обмениваться всяческими словами о разных предметах, и так прошло две стражи⁵. Хозяин предложил им выпить, и все от этого получали удовольствие. Потом хозяин сказал: «До дна!», а Морисигэ сделал вид, будто испугался, взяв бутылку, будто манеры у него дурные, – и сбил шапку *эбоси* [с головы Сукэдзанэ]. Притворившись, будто допустил ошибку, он захлопотал и посмотрел. И увидел волосы, аккуратно собранные со всех сторон, а на это и была надета шапка. Поскольку все происходило на глазах у Ясутады, он только тут понял, что был приглашен в качестве свидетеля. Морисигэ хлопотал и суетился, приговаривая: «Это была ужасная ошибка!»

И когда он с этим вернулся и предстал перед государем, то расказал и добавил:

– Я ходил вместе с таким-то человеком как свидетелем.

А государь ему отвечал:

– Даже если б ты был один, мы бы в тебе не сомневались, но раз ты ходил вместе со свидетелем, получилось еще весомее.

Государь был растроган.

⁵ Два отрезка по два часа.

Итак, Накамаса, как оказалось, совершил тяжелый проступок. Хотя даже теперь Сукэдзанэ все еще не признавался, потом, когда он вышел на службу, люди смеялись, но так это дело и оставили.

В то время будущий сановник Ханадзоно был еще на небольшой должности⁶, и к нему ходил наставник по словесности: ученый человек, которого звали Ацумаса. Дарования и ум его были весьма ценными. [Сукэдзанэ насмешничал над Ацумасой, и в частности, сложил стихи:]

Есть цветы, есть цветы!
На горе Ацумаса весенняя дымка краснеет.

[...] Нос у Ацумасы был красный, именно это он и высмеял. Господин не заметил тут ничего страшного и, когда к нему пришел Ацумаса, все ему рассказал.

Ацумаса очень разозлился и сказал:

– Если бы я был тем, кто носит лук и стрелы, я бы, как Накамаса, должен был бы увидеть его слезы. Но, хотя моя обида и глубока, мне не пристало уподобляться [Накамасе]. Вот продолжение к тем строкам:

Птицы нет, птицы нет.
А в саду Сукэдзанэ белеет зимний снег.

Так он сложил, и хозяин очень растрогался.
А люди в свете, пересказывая это, очень веселились.

Рассказ 6–31 [Бэй Соу и его лошади⁷]

Есть одно свидетельство тому, что ни печаль, ни радость не нужно чувствовать глубоко.

⁶ Минамото-но Арихито, племянник государя Сиракавы; в конце 1100-х гг. он ещё ребёнок, и Ацумаса, вероятно, обучает его грамоте и классической китайской словесности. Стихи, которые читает Сукэдзанэ, содержат каламбур: *хана*, «цветы» и *хана*, «нос». Стихи Ацумасы также содержат каламбур: *тори*, «птица» и *тори/мотодори*, «узел волос».

⁷ Похожий рассказ есть и в «Сяэкисю» (VII–25). Вывод тот же: не радоваться и не печалиться «всё, что происходит, обусловлено воздаянием за наши деяния, совершённые в прежние века. Бедность и богатство, страдание и радость сообразно этому создаются нашим сердцем».

В давние времена в Китае жил старик, которого звали Северный Старец, Бэй Соу. У него была умная и сильная лошадь. Он ее одалживал людям и сам на ней ездил, ее ценность была известна всему свету. И эта лошадь каким-то образом неизвестно куда пропала. Услышавшие об этом люди думали: как это, должно быть, печально! Но, когда они навестили старца, он сказал, что не сожалеет, и слез не проливал. Все удивились, а лошадь эта вернулась и привела за собой много таких же. Поскольку это очень приятное событие, ближние говорили: как радостно! Но старик и тут сказал: «Ничего радостного», – и вот так, не подавая вида, что удивлен, стал кормить все это множество лошадей и по-разному их использовал. Потом сын этого старика, севши на одного из вновь прибывших коней, упал и сломал правый локоть.

Люди, услышав об этом, с удивленным видом расспрашивали, но старик сказал, что не сожалеет, и не изменил своего настроения.

После этого вспыхнула война, стали собирать войско, все подходящие люди ушли в солдаты, и все погибли как один. А сына старика, поскольку он стал калекой, в войско не взяли, он остался хоть и со сломанной рукой, но живой.

Это передают как пример мудрости. И сейчас, когда встречаются хорошие люди, кого ничто не волнует, и не легкомысленные, то кажется – уж не подражают ли они сердцу этого старика?

Как учат буддийские и мирские книги, сердце следует сдерживать всем людям. С древности от одного лишь сердца зависит, обретешь ли ты добрую славу, или о тебе будут говорить, как о дурном примере.

Рассказ 7–30

[Воин задержал камышевку⁸]

Дом советника Сукэтики стоял к югу от Седьмой улицы [...] В начале весны на ветвях сливы у края крыши угнездилась камышевка, и примерно в час Змеи прилетала и начинала петь, а хозяин думал, что это приятно, и ничего не любил так, как это.

⁸ Время действия рассказа – начало XI в. Онакатами-но Сукэтика нёс службу государева посланника в Исэ, святилище богини Аматаэрасу, прародительницы государей. Певчая птичка камышевка, *угусу*, часто упоминается в японской поэзии; в переводах обычно «соловей». Час Змеи – от 9 до 11 часов утра. От 7 до 9 – час Дракона, от 11 до 13 – час Лошади.

Тогдашним поэтам он объявил: [...] завтра примерно в час Дракона приходите послушать!

А воину родом из Исэ, который был на ночном дежурстве, он сказал:

– Вот такое дело. Когда соберутся люди слушать камышевку, не упускай ее, что бы ни случилось.

Тот спросил:

– А в котором часу она нужна?

Сукэтика ответил:

– Как только рассветет.

И, дождавшись рассвета, незаметно встал, устроил места для гостей с южной стороны от дома, всё подготовил.

Примерно в час Дракона стали собираться поэты, много народу. Хозяин сказал:

– Сейчас будет петь камышевка! – и все стали ахать и охать от нетерпения.

Хотя раньше примерно в час Змеи камышевка непременно пела, в этот раз до самого часа Лошади ее не было видно.

Что же могло стать? – подумал Сукэтика и позвал того воина.

– Почему камышевки все не видно? Она вообще еще не появлялась?

Когда Сукэтика так спросил, воин ответил:

– Эта камышевка прилетела сегодня раньше, чем обычно, и когда она собиралась улететь, я ее поймал.

– Как же ты ее поймал? – спросил Сукэтика, и воин тогда ответил:

– Сейчас принесу.

Встал и вышел. Ничего не понимаю, – думал Сукэтика. А воин пришел, держа в руках ветку дерева с привязанной к ней камышевкой.

И, хотя все были удивлены, никто не мог найти, что сказать.

– Ну и ну! Ты вот что сделал!

Воин ответил:

– Вчера мне было приказано эту камышевку не упустить. А человеку, носящему лук и стрелы, ненавистно, чтобы кто-то от него сбежал. Поэтому я взял стрелу «божья голова»⁹ и сбил птицу выстрелом.

⁹ Дзиндо, стрела с закругленным наконечником, ею возможно стрелять на оглушение.

Когда он сказал это, и Сукэтика, и собравшиеся люди подумали: смешно! Но когда разглядели лицо этого человека – а он растерялся, вздохнул и упал на колени, – то хозяин сказал:

– Скорее встань и выйди.

А люди, хотя им и было смешно, не стали смеяться, поняв настроение этого воина. Один человек встал, двое встали, и все разошлись.

И, хотя все уладилось, но получилось глупо.

Рассказ 10–56

Ёримаса убивает чудовище Нуэ¹⁰

Во времена государя Такакуры над дворцом кричало Нуэ, и говорили: это – дурной знак, что же нам делать? Один человек предложил, чтобы Ёримасе приказали стрелять в нее из лука, и решили: пускай так и будет. Ёримаса был призван и пришел.

Получив приказ, Ёримаса, смущаясь, повиновался государеву повелению, а в сердце своем думал: даже в полдень, когда птица маленькая, тяжело попасть, а ночная тьма в пятом месяце глубока, и к тому же идет ужасный дождь. Я испытаю всю милость Небес на Пути лука и стрелы.

И, вознеся молитву великому бодхисаттве Хатиману, определил, откуда раздаётся голос Нуэ, и выпустил стрелу. [...] Пошел посмотреть, и оказалось, что он безошибочно попал.

И все, начиная с государя, безмерно им восторгались.

Левый министр Готокудайдзи¹¹, который в то время был в ранге среднего советника (тюнагон), выдавая воину награду, сказал:

¹⁰ Похожий эпизод есть в «Повести о доме Тайра» (свиток 4, гл. 15). Подвиг Миnamото-но Ёримасы стал также темой пьесы театра Но «Нуэ». Согласно «Повести о доме Тайра», чудовище Нуэ выглядело так: «Голова обезьяны, тело барсука, змеиный хвост, тигриные лапы» (пер. И. Львовой). Крики Нуэ причиняли страдания государю, вызывая припадки. В «Повести...» чудовище Нуэ появляется над дворцом дважды: при государе Коноэ в годы Нимпё (1151–1154) и при государе Нидзё в годы Охо (1161–1163); между этими датами успевают пройти две смуты – 1156 г. и 1159 г.; ко времени правления государя Такакуры от Нуэ уже удалось избавиться.

¹¹ В «Повести о доме Тайра» награду за первую победу над Нуэ – драгоценный меч – Ёримасе вручает Фудзивара-но Ёринага, Левый сановник при государе Коноэ. («Левым сановником Готокудайдзи» называют не его, а Фудзивара-но Санэсаду; в годы Нимпё Санэсада ещё не служил, а в годы Охо действительно

Хототогису
Кумои-ни на-о мо
Агуру кана

Вот и кукушка
 Возглашает славу
 В небесах!

А Ёримаса немедленно подхватил:

Юмихари цуки-но
Иру-ни макасэтэ

Доверюсь месяцу –
 натянутому луку!

Так он продолжил, и это было восхитительно.

После того как он ушел, [средний советник] сложил:

В древности Ян Ю за облаками подстрелил гуся.

А теперь Ёримаса смог подстрелить Нуэ за пеленой дождя.

И это было очень трогательно.

Ёримаса, кроме стрелы хикимэ¹², имел при себе еще стрелу и, когда его потом люди спрашивали об этом, то отвечал прямо так:

– Если бы вдруг промахнулся, то застрелил бы человека, который предложил меня позвать. Вот для чего!

*Перевод со старояпонского М.С. Коляды
 под редакцией Н.Н. Трубниковой*

был средним советником, *тю:нагон*). В «Повести...» в тот миг, когда Ёримаса в первый раз принимает награду, над дворцом пролетает кукушка, и Ёринага произносит начало песни, а Ёримаса продолжает. Нуэ после этого объявляется ещё раз, примерно десять лет спустя, и снова застрелить чудовище поручают Ёримасе. Во второй раз Ёринага стреляет тёмной дождливой ночью; его награждает и восхваляет стихами Правый сановник Фудзивара-но Кинъёси.

¹² «Стрела-репа», *хикимэ*, с круглым пустотелым наконечником, обычно использовалась для подачи сигналов; обычная боевая стрела здесь – *соя*. Поручить Ёримасе застрелить Нуэ, согласно «Повести о доме Тайра», в первый раз предложил Минамото-но Масаёри, в ту пору еще молодой придворный.